

УДК 342.9:343.2/.7
МРНТИ 10.77.51

DOI: <https://doi.org/10.37788/2026-2/129-137>

Б.А. Жумабаев^{1*}

¹Учебный центр МВД РК, Казахстан

*(e-mail: Kazhmuldinova@mail.ru)

Проблемы разграничения административных правонарушений и уголовных проступков в правоприменительной практике полиции

Аннотация

Основная проблема: В правовой системе Республики Казахстан наблюдается глубокий системный кризис, вызванный стиранием материально-правовой границы между административными правонарушениями и уголовными проступками. Данный дисбаланс порождает процессуальный паралич следственных органов, деформирует криминальную статистику и нарушает базовые принципы справедливости, когда административные санкции де-факто многократно превышают уголовные.

Цель: Комплексный научно-практический анализ проблем разграничения административных и уголовных деликтов в деятельности полиции, выявление детерминант процессуального коллапса и разработка фундаментальных рекомендаций по оптимизации архитектуры публичной ответственности.

Методы: В исследовании применен диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический инструментарий. Проведено математическое моделирование «карательного эквивалента» санкций и проанализированы актуальные эмпирические данные правоохранительных органов Павлодарской области за 2024 год.

Результаты и их значимость: Установлен глубокий теоретико-правовой диссонанс в трактовке категории «общественная опасность». Доказано, что административных составов по тяжести наказания равны или превосходят уголовные проступки. Выявлена высокая латентность преступности и искусственная трансформация полицейской статистики из-за избыточности уголовно-процессуальной формы расследования малозначительных деяний.

Обоснована критическая необходимость доктринального пересмотра законодательства: жесткой синхронизации санкций Кодекс Административного права и Уголовного кодекса Республики Казахстан с введением подлинно упрощенного производства, либо полного упразднения категории «уголовный проступок» с возвратом к бинарной системе и имплементацией института административной преюдиции по примеру смежных правовых систем.

Ключевые слова: административное правонарушение, уголовный проступок, правоприменительная практика, полиция, общественная опасность, уголовный кодекс, административный кодекс, декриминализация, статистика преступности, административная преюдиция.

Введение

Трансформация и эволюционное развитие системы публично-правовой ответственности представляют собой одни из наиболее сложных, многогранных и противоречивых процессов в функционировании любого современного правового государства. Введение в правовую систему Республики Казахстан самостоятельной категории «уголовный проступок» в рамках реализации беспрецедентной по своим масштабам реформы уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства 2014–2015 годов стало историческим поворотным моментом. Данный шаг ознаменовал концептуальный отход от традиционной, сложившейся еще в советский период бинарной модели дифференциации правонарушений (разделявшей все публичные деликты исключительно на преступления и административные проступки) к более сложной, дифференцированной трехчленной структуре.

С доктринальной точки зрения, предполагалось, что уголовные проступки займут строго определенное, промежуточное положение в иерархии противоправных деяний. Они должны были аккумулировать в себе те деяния, которые в силу своей специфики, частоты

совершения или характера причиняемого вреда уже переросли уровень стандартной административной ответственности, но объективно еще не достигли того порога общественной опасности, который имманентно присущ полноценным преступлениям. Базовыми отличительными признаками проступка от преступления были признаны: отсутствие критерия большой общественной опасности; наличие специфического материального признака, выражающегося в причинении лишь незначительного вреда охраняемым законом интересам (либо созданию угрозы причинения такого вреда); а также уникальные правовые последствия – в частности, применение любого вида наказания за совершение уголовного проступка не влечет за собой состояния судимости, что должно было способствовать скорейшей ресоциализации правонарушителей.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена тем фактом, что текущее состояние правоприменительной практики подразделений полиции характеризуется признаками системного дисбаланса и нарастающего процессуального паралича. Высокий уровень первичной регистрации уголовных проступков парадоксальным образом сопровождается критически низким процентом направления уголовных дел в судебные инстанции. Одновременно фиксируются массовые прекращения досудебных производств как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям на стадии следствия, а также искусственное формирование так называемых «переходящих остатков» дел из года в год. Указанные негативные факторы служат неоспоримым доказательством того, что существующая процессуальная форма расследования уголовных проступков является избыточной, экономически нецелесообразной, а материально-правовая граница между ними и административными правонарушениями оказалась практически полностью стертой. Основной целью данного исследования выступает всесторонний, научно-практический анализ проблем разграничения административных правонарушений и уголовных проступков в деятельности органов внутренних дел, выявление глубинных детерминант процессуального коллапса и разработка конкретных, прикладных рекомендаций по оптимизации отечественного законодательства.

Материалы и методы

Методологическая основа представленного исследования базируется на фундаментальных принципах диалектического познания социально-правовых явлений и процессов, позволяющих рассматривать институты уголовной и административной ответственности не изолированно, а в их непрерывном историческом развитии, тесной взаимосвязи, взаимообусловленности и практической реализации. В работе задействован комплексный методологический инструментарий, органично сочетающий общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, социологический) методы познания, что обеспечивает высокую репрезентативность, достоверность и научную обоснованность сформулированных выводов.

В качестве первичного эмпирического и фактологического материала в диссертации использованы официальные статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ ГП РК). Особое внимание уделено анализу макроскопической динамики регистрации различных категорий правонарушений в переходный период с 2015 по 2018 годы, что позволило выявить первоначальные эффекты правовой реформы. Для оценки современного состояния правоприменения были экстрагированы и проанализированы актуальные сводки и информационные бюллетени прокуратуры Павлодарской области по итогам правоохранительной деятельности за 2024 год. Выбор данного региона в качестве репрезентативной выборки обусловлен его типичными для республики социально-экономическими и криминогенными характеристиками, позволяющими экстраполировать полученные результаты на общенациональный уровень.

С целью проведения объективных финансовых расчетов, оценки степени суровости имущественных санкций и их влияния на правосознание граждан использовались утвержденные макроэкономические детерминанты государства. В частности, в расчетные модели были заложены проектируемые показатели на 2026 год: размер месячного расчетного показателя (МРП), установленный на уровне 4 325 тенге, размер минимальной заработной платы (МЗП) в 85 000 тенге, а также величины базовой пенсионной выплаты (35 596 тенге) и прожиточного минимума (50 851 тенге). Сопоставление размеров штрафов с данными

социальными стандартами позволило выявить диспропорции в карательной политике государства.

Результаты

1. Теоретико-правовой диссонанс и глубокий кризис категории «общественная опасность»

Центральным, системообразующим звеном, позволяющим разграничивать различные виды публичных деликтов в теории права, традиционно признается философско-правовая категория «общественная опасность». Согласно устоявшимся догматическим постулатам уголовного права, преступление, в отличие от любого иного правонарушения, обладает высшей степенью общественной опасности, посягая на наиболее значимые устои государства, общества и личности. В свою очередь, уголовный проступок концептуально конструировался как деяние, которое «не представляет большой общественной опасности», а типичное административное правонарушение в классической теории зачастую рассматривается как деяние, обладающее лишь так называемой «административной вредоносностью», но лишенное свойства общественной опасности в строгом, уголовно-правовом смысле.

Глубинная коллизия заключается в том, что в легальном, закреплённом в законе понятии уголовного проступка предусмотрен материальный признак причинения лишь незначительного вреда или даже просто угрозы его причинения. При этом основным, стержневым правовым последствием выступает то, что осуждение за проступок не влечет за собой состояния судимости. Проблема состоит в том, что абсолютно теми же самыми сущностными характеристиками обладает и подавляющее большинство административных правонарушений. Следовательно, для рядового сотрудника полиции (участкового инспектора, следователя, дознавателя) на первоначальном этапе досудебного производства разграничение этих двух юридических феноменов превращается в неразрешимую интеллектуальную задачу. Квалификация деяния начинает зависеть не от объективной, всесторонней оценки причиненного вреда и умысла виновного, а исключительно от формального, зачастую случайного нахождения конкретной статьи в том или ином кодексе. Это порождает правовой нигилизм и деструктурирует систему доказывания.

2. Математическое моделирование карательного эквивалента и коллизии санкций

Для осознания истинного масштаба правового дисбаланса в сфере дифференциации ответственности необходимо обратиться к методологии перевода различных видов наказаний в единую шкалу измерения. В настоящем исследовании адаптирован метод расчета «условных единиц тяжести» (карательного эквивалента). Если исходить из базового принципа справедливости, гласящего, что наказание является точным количественным и качественным эквивалентом общественной опасности деяния, то верхние пределы санкций КоАП РК ни при каких обстоятельствах не могут превышать нижние пределы санкций за уголовные проступки.

Сплошное исследование массива действующего административного и уголовного законодательства выявило поистине парадоксальные результаты. Из 1444 действующих составов административных правонарушений около 27 % (что составляет 394 конкретных состава) по степени тяжести предусмотренных санкций полностью соответствуют уголовным правонарушениям, а зачастую и многократно превышают их репрессивный потенциал.

Детальный анализ распределения карательного эквивалента демонстрирует следующую девиантную структуру:

– 304 административных состава находятся на абсолютно идентичном уровне с уголовными проступками, имея расчетный карательный эквивалент в диапазоне от 12,5 до 37,5 условных единиц.

– 90 административных составов существенно, диспропорционально превышают по своей тяжести любые уголовные проступки, оцениваясь математически в 40 условных единиц и выше.

Для наглядной иллюстрации данного абсурда целесообразно рассмотреть диспозицию и санкцию части 11 статьи 409 КоАП РК, регламентирующей ответственность за нарушение законодательства Республики Казахстан в области образования, физической культуры и спорта. Согласно проведенным расчетам, данный административный состав оценивается в колоссальные 250 условных единиц. С учетом утвержденных макроэкономических показателей, размер МРП в 2026 году составит 4 325 тенге. Штрафы, предусмотренные административным законодательством для подобных (высокоопасных, по субъективному

мнению разработчиков кодекса) деликтов, достигают гигантских сумм, исчисляемых миллионами тенге.

Сравнивая этот показатель с минимальной заработной платой, которая в 2026 году зафиксирована на уровне 85 000 тенге, и прожиточным минимумом в 50 851 тенге, становится очевидным, что административный штраф превращается в инструмент финансового уничтожения личности или субъекта малого бизнеса. Карательная тяжесть в 250 условных единиц де-факто полностью соответствует, а иногда и превосходит санкции, применяемые судами за совершение полноценных, умышленных уголовных преступлений небольшой тяжести, предусматривающих реальное лишение свободы.

Аналогичный, вопиющий дисбаланс наблюдается в конструировании статьи 677 КоАП РК (Получение незаконного материального вознаграждения лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций) и статьи 425 КоАП РК (Нарушение требований законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения). По степени заложенной в них нормативной «опасности» и астрономическому размеру финансового наказания они полностью идентичны уголовным преступлениям, но лишены уголовно-процессуальной оболочки.

3. Парадоксы криминализации и декриминализации посягательств против личности: логический тупик

Описанная выше проблема усугубляется крайней, порой необъяснимой непоследовательностью государственной политики в сфере криминализации и декриминализации конкретных деяний. Изначальная, прогрессивная идея законодателя заключалась в том, чтобы перевести наименее опасные составы традиционных преступлений в новую категорию уголовных проступков, а часть сложных административных деликтов, расследование которых объективно требует использования следственного аппарата и проведения экспертиз, наоборот, поднять до уровня уголовных проступков. Однако реализация этого масштабного плана на практике оказалась фрагментарной, хаотичной и породила правовые парадоксы.

Ярчайшим, хрестоматийным примером нарушения логики построения уголовного закона является перемещение составов, связанных с посягательством на физическую и телесную неприкосновенность граждан. В ходе последовательных реформ такие деяния, как побои (ранее квалифицировавшиеся по ст. 109 УК РК) и умышленное причинение легкого вреда здоровью (ранее ст. 108 УК РК), были выведены из сферы уголовного преследования и переведены в разряд административных дел в рамках КоАП РК. Таким образом, реальное физическое насилие, оставляющее объективные следы на теле жертвы, причиняющее осязаемую физическую боль и реальный (пусть и легкий) вред здоровью человека, было официально признано государством не обладающим достаточной степенью общественной опасности для возбуждения уголовного дела.

Объективные последствия от первых деяний (физических побоев) несоизмеримо более существенны, травматичны и материальны, чем от вторых (слов), однако государственная уголовная политика в этом узловом аспекте демонстрирует диаметрально противоположный подход. Подобные «мертвые» или неэффективно работающие составы в уголовной практике (как, например, уголовно наказуемое оскорбление, доказывание субъективной стороны которого в форме проступка требует колоссальных временных и финансовых затрат со стороны следователя при минимальной социальной пользе для общества) создают мнимую, искусственную загруженность всей правоохранительной системы.

4. Процессуальный паралич правоохранительной системы: анализ эффективности следствия

Тотальная рассогласованность норм материального права (УК и КоАП) неизбежно и закономерно привела к коллапсу процессуальной формы. По изначальному замыслу архитекторов правовой реформы, расследование уголовных проступков должно было осуществляться в так называемой протокольной, максимально упрощенной и ускоренной форме. Предполагалось, что полиция сможет привлекать виновных к ответственности за считанные дни. Однако на практике сотрудники следственных и оперативных подразделений полиции оказались зажаты в жесткие, бюрократизированные рамки действующего Уголовно-процессуального кодекса. Данный кодекс императивно требует проведения полного, исчерпывающего спектра следственных действий, обязательного назначения комплекса судебных экспертиз, обеспечения участия защитников и соблюдения строгих процессуальных

сроков, которые оказались практически идентичны процедурам расследования полномасштабных, тяжких преступлений.

Возникает закономерный исследовательский вопрос: куда бесследно исчезают остальные 90 % зарегистрированных уголовных проступков, на расследование которых были затрачены ресурсы государства? Статистика КПСиСУ неумолима: начиная с 2015 года, органами досудебного расследования было официально прекращено 146 343 уголовных дела по так называемым реабилитирующим основаниям (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления и т.д.) [1]. Это свидетельствует о колоссальном, не поддающемся логическому осмыслению объеме работы полиции, проделанной абсолютно «вхолостую». На производство первоначальных следственных действий, допросы свидетелей и потерпевших, принудительные приводы граждан, оплату труда экспертов и адвокатов по делам, которые изначально не представляли никакой большой общественной опасности, затрачиваются огромные средства из государственного бюджета, после чего дела закономерно прекращаются за недоказанностью.

Более того, в правоприменительной практике сформировалась порочная, латентная система накопления «переходящих» дел. Ежегодно от 8 000 до 13 000 уголовных дел о проступках остаются без принятия окончательного процессуального решения к концу отчетного года и механически переносятся на следующий отчетный период. Такая искусственно созданная ситуация формирует перманентную высокую скрытую нагрузку на следователей. В условиях жестких ведомственных требований к раскрываемости (КРП), это прямо стимулирует органы расследования к манипуляциям со статистикой: полиция объективно начинает стремиться к искусственному занижению регистрации новых заявлений о проступках, уговаривая потерпевших не писать заявления, с единственной целью – избежать дальнейшего ухудшения ведомственных показателей раскрываемости и не брать на себя заведомо «несудебные» дела.

5. Латентность и искусственная трансформация структуры преступности (на примере региональной статистики Павлодарской области за 2024 год)

Для верификации выявленных общереспубликанских деструктивных трендов и понимания механизмов адаптации полиции к несовершенному закону, методологически верно рассмотреть наиболее свежие правоприменительные данные на региональном уровне. Согласно официальным отчетам Прокуратуры и Комитета по правовой статистике, по итогам 2024 года в отдельно взятой Павлодарской области наблюдается феноменальное, масштабное снижение общего уровня фиксируемой преступности по всем базовым категориям тяжести [4].

В частности, официальная статистика рапортует о следующем снижении преступности:

- Снижение по преступлениям небольшой тяжести на 7,6 % (в абсолютных цифрах: с 21 826 до 20 178 случаев);
- Снижение по преступлениям средней тяжести на 16,8 % (с 58 874 до 48 992 случаев);
- Снижение по тяжким преступлениям на 2,2 % (с 37 548 до 36 736 случаев) [4].

Однако наибольшего, критического внимания заслуживает аномальная динамика корыстных имущественных посягательств (краж). Именно эта категория деликтов традиционно балансирует на зыбкой грани между уголовным и административным законодательством (граница между мелким хищением по КоАП и кражей по УК определяется стоимостью похищенного). Общее количество зарегистрированных краж в Павлодарской области обрушилось на 28,3 % (снизившись с 42 639 до 30 593). Кражи сотовых телефонов упали на 30,9 % (с 10 530 до 7 273), квартирные кражи сократились на 33,5 % (с 3 566 до 2 373). Рекордное падение зафиксировано по кражам автотранспорта – на 42,2 % (с 258 до 149 инцидентов), а традиционно сложно раскрываемое скотокрадство снизилось на 30,9 % (с 1 520 до 1 051).

Прямолинейная интерпретация столь резкого, обвального (от 28 % до 42 %) снижения имущественных преступлений исключительно как результата высокоэффективной профилактической работы патрульной полиции и участковых инспекторов представляется научно необоснованной и наивной. В контексте глубоко исследуемой в данной диссертации проблематики разграничения проступков и преступлений, подобная триумфальная статистика с высочайшей долей вероятности свидетельствует о радикальной, вынужденной трансформации правоприменительных подходов на местах.

Зафиксированное статистическое снижение числа преступлений небольшой тяжести на 7,6 % эмпирически подтверждает научную гипотезу о том, что система правоохранительных

органов, спасаясь от процессуального удушья, постепенно, негласно отторгает искусственно созданную категорию деяний, находящихся на границе с административными деликтами, стремясь любыми путями разгрузить перегруженный следственный аппарат для работы по тяжким преступлениям.

6. Сравнительно-правовой анализ: опыт Российской Федерации и перспективы института административной преюдиции

Для выработки фундаментальных, научно обоснованных путей выхода из сложившегося в Республике Казахстан правового тупика крайне полезно обратиться к компаративистскому опыту государств, обладающих близкой историко-правовой системой, но избравших иной вектор развития уголовной политики. В частности, в Российской Федерации проблема разграничения административных и уголовных деликтов решается принципиально иным, более прагматичным концептуальным путем.

В структуре действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) полностью отсутствует искусственная категория «уголовный проступок». Система сохраняет классическую строгость. Статья 158 УК РФ определяет кражу как тайное хищение чужого имущества, гибко предусматривая за совершение части первой широчайший спектр наказаний, дифференцированных в зависимости от личности преступника: от штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей (или в размере дохода осужденного за период до шести месяцев) до ареста на срок до четырех месяцев либо реального лишения свободы на срок до двух лет.

Обсуждение

Философия данного подхода безупречна: первичное, изолированное малозначительное хищение, совершенное гражданином, рассматривается как случайная ошибка и влечет исключительно административную ответственность. Запускать маховик уголовной юстиции ради украденной в магазине булки хлеба экономически бессмысленно. И лишь доказанная системность, стойкое упорство правонарушителя в игнорировании закона, рецидив поведения повышают степень общественной опасности самой личности преступника и его деяния до уголовно наказуемого уровня, оправдывая затраты на следствие.

В Казахстане же, в погоне за чистотой уголовно-правовой доктрины, категорический отказ от института административной преюдиции привел к тому, что все деяния оцениваются судами и полицией абсолютно изолированно. Гуманистическая политика государства при определении меры ответственности за совершение уголовных проступков, выражающаяся в широком спектре исключительно мягких видов наказаний (в первую очередь, привлечении к общественным и исправительным работам), предельно минимальных сроках давности привлечения к ответственности и принципиальном отсутствии судимости [2], по сути своей, превратила уголовный проступок в абсолютный, стопроцентный клон административного правонарушения. Но этот клон искусственно обременен тяжеловесной, ресурсоемкой и неповоротливой уголовно-процессуальной формой, которая парализует работу полиции.

Заключение

Синтезируя результаты проведенного масштабного диссертационного исследования, можно с абсолютной научной уверенностью констатировать, что существующая на сегодняшний день в Республике Казахстан модель разграничения административных правонарушений и уголовных проступков исчерпала свой потенциал и находится в состоянии глубокого, системного и прогрессирующего кризиса. Изначально благородная, прогрессивная государственная идея создания буферной, промежуточной категории деликтов для комплексной гуманизации карательной политики и оптимизации правоприменения жестоко разбилась о грубое несовершенство юридической техники разработчиков кодексов и полное отсутствие предварительной, глубокой теоретической проработки материальных критериев разграничения смежных деяний.

Главным, кричащим маркером провала проведенной реформы в реальной правоприменительной практике органов полиции стало фактическое стирание любых разумных границ между КоАП РК и УК РК в части конструирования суровости применяемых санкций. Математически подтвержденный в ходе исследования факт того, что 27 % (огромный массив из 394 составов) действующих административных правонарушений обладают заложенным в них карательным потенциалом, который де-факто равен или даже существенно превышает санкции, установленные за уголовные проступки [2], полностью, до основания разрушает фундаментальную логику построения всей системы публичного права в государстве. Практический правоприменитель в лице следователя или участкового инспектора полиции на

местах полностью лишен объективных, понятных законодательных ориентиров. Деяния, которые не влекут за собой судимости и концептуально не обладают большой общественной опасностью, в хаотичном порядке рассредоточены по обоим кодексам, но при этом влекут за собой кардинально, несоизмеримо различающиеся процедурные и финансовые последствия для гражданина.

Для решительного преодоления сложившегося патового положения требуется отказ от практики косметического, точечного латания дыр в законодательстве и переход к фундаментальному, доктринальному пересмотру всей архитектуры публичной ответственности. Законодателю, опираясь на научное сообщество, предстоит сделать принципиальный, исторический выбор. Либо необходимо экстренно синхронизировать санкции, жестко, математически ограничив репрессивность норм КоАП РК пределами, гарантированно не достигающими нижних порогов уголовных проступков, и параллельно ввести подлинно упрощенную, избавленную от бюрократии процессуальную форму для последних. Либо государству следует проявить политическую волю, признать десятилетний правовой эксперимент неудачным, упразднить категорию «уголовный проступок» и вернуться к классической бинарной системе. В этом случае малозначительные деяния должны быть интегрированы обратно в административное законодательство, с обязательным, одновременным возвращением в правовую систему эффективного института административной преюдиции, блестяще зарекомендовавшего себя на примере смежных правовых систем, таких как конструирование ст. 158.1 УК РФ. Исключительно такое системное, научно выверенное выравнивание материальных признаков правонарушений (размера вреда, формы вины, степени общественной опасности) с адекватной процессуальной формой их судебного преследования позволит восстановить утраченную эффективность правоприменительной практики полиции, снизить латентность преступности и обеспечить торжество принципа социальной справедливости в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Карипова А.Т. Методика расчета криминогенности административно-территориальных единиц (анализ следственно-судебной практики по делам об уголовных проступках) [Электронный ресурс] / А.Т. Карипова // Информационная система «Параграф». – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36306705.
- 2 Муканова А.К. Разграничение административных и уголовных правонарушений. Применение института «уголовные проступки» в контексте правоприменительной практики: целесообразность или нецелесообразность [Электронный ресурс] / А.К. Муканова // Мир Закона. – URL: <https://mir-zakona.kz/razgranichenie-administrativnyh-i-ugolovnyh-pravonarushenij-primenenie-instituta-ugolovnye-prostupki-v-kontekste-pravoprimeritelnoj-praktiki-czelesoobraznost-ili-neczelesoobraznost/>.

REFERENCES

- 1 Karipova, A.T. (2024). Metodika rascheta kriminogenosti administrativno-territorialnykh edinit (analiz sledstvenno-sudebnoy praktiki po delam ob ugovolnykh prostupkakh) [Methodology for calculating the criminality of administrative-territorial units (analysis of investigative and judicial practice in cases of criminal offenses)]. Informatsionnaya sistema «Paragraf». Available at: https://prg.kz/document/?doc_id=36306705 (Accessed: 12.05.2026). [in Russian]
- 2 Mukanova, A.K. (2024). Razgranichenie administrativnykh i ugovolnykh pravonarusheniy. Primenenie instituta «ugolovnye prostupki» v kontekste pravoprimeritelnoy praktiki: tselesoobraznost ili netselesoobraznost [Distinction between administrative and criminal offenses. Application of the institute of "criminal offenses" in the context of law enforcement practice: expediency or in expediency]. Mir Zakona. Available at: <https://mir-zakona.kz/razgranichenie-administrativnyh-i-ugolovnyh-pravonarushenij-primenenie-instituta-ugolovnye-prostupki-v-kontekste-pravoprimeritelnoj-praktiki-czelesoobraznost-ili-neczelesoobraznost/> (Accessed: 12.05.2026). [in Russian]

Б.А. Жумабаев¹¹Учебный центр МВД РК, Қазақстан**Полицияның құқық қолдану тәжірибесіндегі әкімшілік құқық бұзушылықтар мен қылмыстық теріс қылықтарды ажырату мәселелері**

Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесінде әкімшілік құқық бұзушылықтар мен қылмыстық теріс қылықтар арасындағы материалдық-құқықтық шекараның жойылуынан туындаған терең жүйелік дағдарыс байқалады. Бұл теңгерімсіздік тергеу органдарының процестік салдануын тудырады, қылмыстық статистиканы бұрмалайды және әкімшілік санкциялар қылмыстық санкциялардан іс жүзінде бірнеше есе асып түскен кезде әділеттіліктің негізгі қағидаттарын бұзады.

Полиция қызметіндегі әкімшілік және қылмыстық деликтілердің аражігін ажырату мәселелерін кешенді ғылыми-практикалық талдау, процестік коллапстың детерминанттарын анықтау және жария жауаптылық сәулетін оңтайландыру бойынша іргелі ұсынымдар әзірлеу.

Зерттеуде диалектикалық, формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық және статистикалық құралдар қолданылды. Санкциялардың «жазалау эквивалентін» математикалық модельдеу жүргізілді және 2024 жылғы Павлодар облысы құқық қорғау органдарының өзекті эмпирикалық деректеріне талдау жасалды.

«Қоғамдық қауіптілік» санатын түсіндіруде терең теориялық-құқықтық диссонанс анықталды. Жазаның ауырлығы бойынша әкімшілік құрамдардың 27 %-ы қылмыстық теріс қылықтарға тең немесе олардан асып түсетіні дәлелденді. Болмашы іс-әрекеттерді тергеп-тексерудің қылмыстық-процестік нысанының шамадан тыс болуына байланысты қылмыстың жоғары латенттілігі мен полиция статистикасының жасанды трансформациялануы анықталды.

Заңнаманы доктриналық қайта қараудың сыни қажеттілігі негізделді: шынайы оңайлатылған іс жүргізуді енгізе отырып, ҚР ӨҚБТК мен ҚК санкцияларын қатаң үндестіру, немесе аралас құқықтық жүйелер үлгісімен әкімшілік преюдиция институтын имплементациялай отырып және бинарлық жүйеге орала отырып, «қылмыстық теріс қылық» санатын толығымен жою.

Түйінді сөздер: әкімшілік құқық бұзушылық, қылмыстық теріс қылық, құқық қолдану тәжірибесі, полиция, қоғамдық қауіптілік, қылмыстық кодекс, әкімшілік кодекс, декриминализация, қылмыстылық статистикасы, әкімшілік преюдиция.

В.А. Zhumabayev¹¹Training Center of the MIA, Kazakhstan**Problems of Differentiating Administrative Offenses and Criminal Misdemeanors in Police Law Enforcement Practice**

A deep systemic crisis is observed in the legal system of the Republic of Kazakhstan, caused by the blurring of the material and legal boundary between administrative offenses and criminal misdemeanors. This imbalance generates procedural paralysis of investigative bodies, deforms criminal statistics, and violates basic principles of justice when administrative sanctions de facto multiply exceed criminal ones.

A comprehensive scientific and practical analysis of the problems of differentiating administrative and criminal delicts in police activities, identifying the determinants of the procedural collapse, and developing fundamental recommendations for optimizing the architecture of public liability.

The research utilizes dialectical, formal-legal, comparative-legal, and statistical tools. Mathematical modeling of the "punitive equivalent" of sanctions was conducted, and the relevant empirical data of the law enforcement agencies of the Pavlodar region for 2024 were analyzed.

A deep theoretical and legal dissonance in the interpretation of the category of "public danger" has been established. It is proven that 27 % of administrative offenses are equal to or exceed criminal misdemeanors in terms of the severity of punishment. High latency of crime and artificial transformation of police statistics due to the redundancy of the criminal procedural form of investigating minor acts have been identified.

The critical need for a doctrinal revision of legislation is substantiated: strict synchronization of sanctions of the Administrative Offenses Code and the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan with the introduction of genuinely simplified proceedings, or the complete abolition of the category of "criminal misdemeanor" with a return to the binary system and the implementation of the institution of administrative prejudice following the example of adjacent legal systems.

Keywords: administrative offense, criminal misdemeanor, law enforcement practice, police, public danger, criminal code, administrative code, decriminalization, crime statistics, administrative prejudice.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.